

САМАЯ
СТРАШНАЯ
КНИГА

13
МЕРТВЕЦОВ

Москва
Издательство АСТ

Памяти хоррор-энтузиастов, которых уже нет с нами

Владислав Женевский (скончался в 2015 году, причина смерти – злокачественная опухоль) – писатель, переводчик, критик, публицист и библиограф. Умер во цвете лет, «на взлете», но оставил след в популяризации и развитии жанра. Стоял у истоков Ассоциации авторов хоррора, первых российских хоррор-фэнзинов, писал о хорроре для различных изданий.

Виктория Ерошкина (скончалась в 2017 году, причина смерти – тромб в сердце) – хоррор-фэн, большая поклонница писателя Роберта МакКаммона (помогала с организацией его первого русскоязычного интервью), приветливая и гостеприимная хозяйка сайта «Библиотека ужасов», которую мы всегда будем вспоминать с теплом.

Василий Рузаков (скончался в 2021 году, причина смерти – пневмония, вызванная коронавирусной инфекцией) – музыкант, журналист, переводчик, писатель. Ценитель трэш-кинематографа и андеграундного искусства. Основатель музыкальной группы Vx gas attack, редактор (2011–2019) музыкального раздела журнала DARKER, создатель культового сайта Blood Sex Cult.

**Эти люди своим личным примером
показывали, что такое настоящая беззаветная
любовь к жанру, восхищали и вдохновляли
всех, кто их знал.**

Помните их – они вечно молодые.

MEMENTO MORI

13 ФАКТОВ О СМЕРТИ

1. Каждый день в мире умирает более 150 тысяч человек. Десять человек скончались, пока вы читали это предложение. Более трехсот человек умрут к тому моменту, когда вы дочитаете этот текст до конца.

2. Более половины (55% по данным за 2019 год) всех смертей в мире вызваны тремя основными группами заболеваний: сердечно-сосудистыми, респираторными (инфекции дыхательных путей и т. п.) и патологии у новорожденных. Берегите себя и близких.

3. Первая известная пандемия — Юстинианова чума (551–580 годы нашей эры) — унесла более 100 миллионов жизней. В XIV веке эпидемия «черной смерти» выкосила более 25 миллионов — на тот момент четверть населения Европы.

4. Более 3,8 миллиона человек скончалось по всему миру чуть более чем за год пандемии нового коронавируса COVID-19. Берегите себя!

5. Согласно одной из теорий, хоронить своих умерших начали еще неандертальцы. Возраст останков наиболее ранних неандертальцев — 500 тысяч лет.

6. Опрос «Левада-Центра» (выполняет функции иностранного агента) от 2020 года показал, что более половины россиян (53%) в той или иной мере верят в жизнь после смерти. В 2014 году опрос

фонда «Общественное мнение» выявил, что 31% россиян верят в загробную жизнь.

7. При этом 9% опрошенных фондом «Общественное мнение» заявили, что имели опыт общения с умершими — 6% встречали их во сне, а еще 1% — лично.

8. Каждый десятый перенесший состояние клинической смерти, находившийся на грани между жизнью и смертью человек рассказывает о необычных ощущениях и видениях: «свет в конце тоннеля», умиротворение и т. п.

9. После смерти некоторые биологические процессы организма продолжают еще несколько суток. Поэтому у мертвецов отрастают волосы и ногти.

10. Лабораторные исследования (на подопытных животных, в частности — лабораторных мышах) доказали, что после физической смерти сознание может сохраняться до 20 секунд и даже более.

11. Ученые выяснили, что в момент смерти в человеческом мозге активизируются химические процессы, способные привести к зрительным галлюцинациям. Также — в 12 раз увеличивается выброс «гормона удовольствия» (что может объяснить свидетельства из п. 8).

12. Одни мировые религии утверждают, что после смерти душу человека ждет реинкарнация, другие грозят Адом или обещают Рай. В научном мире на сегодня консенсуса насчет феномена «жизни после смерти» не существует.

13. Смерть — великое неизведанное. Она пугает.

Герман Шендеров ЛУЧШИЙ ПОГОНЩИК

Перед входом во дворец Амрит поправил бинты на лице. Ткань, влажная от сукровицы, липла к коже, вызывая невыносимый зуд. Дворец раджи гнезвился в мангровых зарослях, окруженный несколькими расчищенными каналами. В их истоках стояли фильтрующие дамбы, превращавшие грязную болотную воду в прозрачные ручейки, однако не избавлявшие от тягучей вони разложения.

Амрит зря беспокоился — у открытых настежь ворот стражников не оказалось, так что можно было немного ослабить бинты и дать раздраженной коже подышать. Ткань же на спине пришлось оставить — перед грядущим походом нужно было позволить целебной мази впитаться.

Внутри дворца ослепительно-белый камень и позолота фасада сменились буровато-серыми корнями, обвившими коридоры так, что не было видно даже стен. Погонщик, ненадолго остановившись глотнуть воздуха и перевести дух, оперся на один особенно толстый корень и тут же отдернул руку — тот шевельнулся и застенчиво спрятался. То, что Амрит поначалу принял за корень, оказалось серой, покрытой засохшей грязью рукой. Стало понятно, почему у ворот не было охраны. Раджа — толстый параноик — не доверял живым, предпочитая держать подле себя целые армии лааш под контролем нескольких кшатриев, что приходились ему

дальними родственниками. Только сейчас погонщик, привыкший к вони от собственных гниющих и мокнувших ран, заметил, что дворец прямо-таки смердит медленно разлагающейся плотью, к миазмам которой примешивался слабый аромат мирры.

Амрит и раньше слышал от заезжих купцов о «тоннеле прикосновений» — рассказывали, что гневливый раджа нередко играл с жертвой, благодушно позволяя ей уйти с миром. Незадачливый проситель узнавал о том, что провинился перед раджой, лишь когда стены смыкались, поглощая несчастного.

Коридор вывел погонщика во внутренний двор, и он зажмурился, ослепленный солнцем, бьющим в глаза,— светило не загораживали ни листья, ни кроны деревьев, а мрамор под ногами казался раскаленным добела.

— Вот он, повелитель, лучший погонщик во всем Каяматпуре...

Шипение, раздавшееся будто бы отовсюду, заполнило легкие, вытеснило воздух, превратило свет во тьму. Голова закружилась, и Амрит едва удержался на ногах, вцепившись в какое-то каменное возвышение перед собой.

— Осторожнее, погонщик! — произнес чей-то надменный голос.— Я сам решу, когда мне кормить крокодила.

Когда головокружение отступило, а глаза привыкли к яркому свету, Амрит отшатнулся от бортика бассейна, в котором среди лилий и кувшинок в мутной воде плавала кругами бревноподобная туша. Пустые глазницы пялились в небо, а вода бурлила меж ребер, когда мертвая рептилия размером с лодку лениво переворачивалась, подставляя солнцу выпотрошенное брюхо.

— Достался мне от отца. Он велел лааш вытащить тварюгу из воды и держать на весу, пока тот не сдох от жажды,— пояснил раджа, закидывая в рот виноградину.— Подойди, не бойся.

Амрит, почтительно наклонившись, обогнул бассейн и подошел к ступенькам, ведущим к крытой беседке, где на подушках развалился раджа Хатияра, а рядом...

— Подними глаза, погонщик, дай мне рассмотреть тебя! — воскликнул властитель.— Как твое имя?

— Амрит, повелитель!

— Чего же ты не смотришь на меня, Амрит? Тебя пугает мой визирь?

Визирь был и правда страшен и одновременно великолепен. Ракшас отличался редким черно-белым окрасом, многочисленные руки его бугрились мышцами, поблескивали золоченые черепа на ожерелье, а взгляд голубых — не кошачьих, а человеческих — глаз был немилосердным, твердым, резал точно джамбия. Даже золотые оковы, исписанные защитными письменами и подчинявшие чудовище хозяину, придавали демону вид еще более царственный и свирепый. Тонкий поводок, намотанный на запястье раджи, выглядел игрушечным на фоне его жирной руки.

Правитель был до предела тучен. Голое брюхо, унизанное иглами и кольцами, расплывалось на коленях. Лысый, с выбритыми бровями и мягкими чертами лица, раджа походил на чудовищного младенца.

— Да, повелитель. Мне не приходилось видеть асуров так близко,— соврал Амрит, старательно избегая взгляда визиря.

— Для погонщика ты на редкость труслив. Может, тебя пугают и мои слуги?

Раджа вытянул руку — ногти были такими длинными, что загибались едва не до запястья — и безрукий лааш тут же наклонился, подставляя свою ополовиненную голову. В углублении черепной коробки покоился лопавшийся от спелости красный виноград, напоминавший груды насосавшихся клещей.

— Нет, повелитель, лааш меня не пугают.

— Вишва,— Хатияра с усмешкой повернулся к визирю,— ты уверен, что он — лучший?

— О да, повелитель! — Тигриная морда ощерилась, обнажив крупные человеческие зубы. Цепи загремели, когда ракшас попытался продемонстрировать полупоклон.— В его распоряжении больше тридцати лааш, и управляется он с ними, как с собственными пальцами.

— Это правда, погонщик? Подумай. Твой предшественник утопил заказ от паши Далала...

Раджа щелкнул ногтями, и лааш за его спиной, вытянувшись по струнке, застыл и повернулся к Амриту. Труп был совсем свежий, с аккуратно пробитой головой и серыми, точно речные гольши, глазами.

— Выяснилось, что опахало он держит лучше, чем плеть.

— Во всем Каяматпуре, от Ачери и до самых пустынных земель, не найдется никого, чья плеть справилась бы лучше! — с гордостью ответил Амрит.

— А эти бинты... Почему ты скрываешь лицо?

— Бесхозные, повелитель. В одном из походов я наткнулся на большую толпу. Груз я вывел, но мне объели губы и нос.

— Объели лицо, но ты вывел груз? Достойно. Хорошо, Амрит, работа твоя. Готовь лааш, выступаем завтра на рассвете!

— Ваше желание — закон, великий раджа Хатияра!

Поклонившись в пол, Амрит принялся медленно отступать, подавляя желание оглянуться, — бортик бассейна с мертвым крокодилом был совсем близко, но к радже, как и к тиграм, нельзя поворачиваться спиной.

— Это твои гребцы? — Раджа лениво прошаживался мимо выстроившихся в ряд лааш. Раб с опахалом то и дело застывал, продолжая обмахивать пустое место, и Хатияра был вынужден дергать себя за кольцо в соске, чтобы тот шел дальше. В облаке мух поодаль переминались мертвецы с паланкином. Под ними скопилась небольшая горка пепла от благовоний, призванных заглушить гнилостный смрад.

— Да, повелитель. Обработаны и накормлены на несколько дней вперед.

— Почему они тоже в масках?

— Зач-ч-чем великому радже лицезреть застывшие на лицах предсмертные гримасы? — прошипел визирь, вышагивавший рядом на тонком поводке точно послушная собачка — единственное разумное существо в свите Хатияра. Даже в шерсти обезьянки, что сидела на смуглом плече раджи, можно было увидеть хаотичное шевеление трупных паразитов. Глазки животного, видимо, кто-то выклевал, и теперь их заменяли драгоценные камни.

— Пожалуй. Амрит!

— Да, повелитель? — Погонщик поклонился, отчего незаживающие раны на спине разошлись, по бинтам стекло несколько струек крови. Насекомые тут же облепили его плечи, но он не смел пошевелиться под взглядом раджи.

— Сколько ты их водишь? Они крепкие, свежие и почти не пахнут! — Изумленный, Хатияра даже не побрезговал прикоснуться к надутому, тугому как барабан животу одной из лааш. Беременная даже не шелохнулась. Раджа бесцеремонно запустил руку под погребальное сари и пошарил в паху у мертвой.— Мягкая! Как живая!

— Они мертвы вот уже одиннадцать лет, но держу я их лишь для особых заказчиков, о повелитель.

Раджа покачал головой:

— Одиннадцать лет? Ха! Каждые два года мои бальзаматоры шивают из десятка бойцов одного целого, а каждые пять лет мне приходится скармливать их друг другу. Ты лжешь мне, погонщик...

— Эти лааш не дышат очень давно, повелитель. Но они столь послушны и дороги мне, что я обращаюсь с ними бережно. Я немного разбираюсь в бальзамировании. Кедровое масло и обработка щелоком позволяют избавиться от присущих мертвой плоти миазмов. И я храню их в наглухо закрытых бочках...

— Вот как? Знай же, Амрит, если справишься с заданием и твои лааш продержатся до конца маршрута,— клянусь, я жалую тебе должность придворного погонщика и бальзаматора, и пусть Яма сгрызет мои кости, если я лгу!

— Вы столь же великодушны, сколь и мудры, повелитель! — Амрит согнулся в глубоком поклоне. По спине сбегало еще несколько кровавых ручейков.

— Хорошо! Я доволен гребцами, погонщик. Можешь загружать траппагу!

Наконец Амрит выпрямился, расправил плечи и принялся сдергивать с тела бинты, распугивая назойливых насекомых. Обнажились рубцы, прорезавшие спину едва ли не до кости. Работа погон-

щика — тяжелый и болезненный труд. Открытые раны в джунглях — верный способ умереть долгой и мучительной смертью. Черви, паразиты, насекомые, грязь и болезни проникали в тело беспрепятственно, и вскоре погонщик начинал опрастываться из всех отверстий, потеть кровью и в итоге умирал в страшных муках. Но тем и отличался хороший погонщик от плохого — умением отдать приказ, нанеся себе как можно меньше ударов.

Раздался свист плети, звякнули грузики. На спине Амрита расползлась бурая полоса. Набухнув, она лопнула, выступило несколько капель крови. В ту же секунду лааш встрепенулись, помотали забинтованными головами и ринулись укладывать груз на траппагу. Бочки с вином и мешки с сухофруктами быстро переключивались с пирса на широкое плоскодонное судно, увенчанное большим шатром на корме. Амрит следил за ними с плетью в руке, готовый повторить приказ. Мертвецы лишены воли, но не имеют и сознания. Их не заманишь изысканными яствами, развратными женщинами или звонкой рупией. Что лааш понимали по-настоящему хорошо — это боль. Но что толку стегать мертвую задубевшую плоть? А потому приходилось стегать живую.

Раджа предпочел не забираться на борт самостоятельно. Вынув длинную иглу из-под кожи на животе, он долго не решался, но потом все же ткнул себя в палец. Лааш бросили паланкин и зашагали к хозяину, но на полпути разбрелись в стороны и застыли. Раздался рыкающий смешок.

— Великий раджа, — насмешливо промурлыкал визирь, — для властвующего над мертвыми ты слишком боишься боли. Твой отец, да не истлеет плоть его, вел в бой целые армии лааш...

— Да. А еще он лишился руки и был зарезан шлюхой-наложницей! Не ставь мне его в пример! — отрезал Хатияра.

— Руку старый раджа потерял, когда пытался пленить меня в первый раз. Я помню, какова его плоть на вкус...

— Вишва! — Раджа с силой дернул цепь, и громадная фигура многорукого тигра свалилась на каменные плиты, точно придавленная чудовищным весом. — Тебе лучше помнить, что теперь твой хозяин — я. И следить за языком.

— Да, повелитель!

— Мы готовы к отплытию! — возвестил Амрит.

— Отлично! — Повернувшись к гвардии, раджа махнул рукой. Стоящий поодаль офицер-кшатрий кивнул и с силой потянул себя за кольцо в носу да так, что кровь брызнула на золоченую кирасу. Тут же отряд из шести закованных в броню лааш двинулся к трапу, сопровождаемый жужжанием мошкары.

— Галакат — мой телохранитель и будет сопровождать нас! — заявил Хатияра.

— Но, повелитель, нам придется проследовать через висячие болота Тикатик и обойти ямы Браштахара. Каждый живой на борту — невероятный риск. Бесхозные слышат человеческое дыхание за много акров, как и стаи плотоядных ос.

— А если на нас нападут мандрилы — отбиваться ты будешь своей плетью? Нет! Тем более нужен кто-то, кто будет охранять плату паше Далалу от твоих грязных рученок. — Раджа небрежно ткнул в инкрустированный рубинами сундучок в руках слуги-лааш. Амрит невольно сглотнул — за одну только крышку на подпольных рынках Ачери можно было бы выручить достаточно, чтобы скупить всех лааш Каяматпура вместе с бочками и миррой.

— К тому же с нами визирь, что носит мои цепи. Так что, трусливый погонщик, считай, что со мной ты в безопасности.

— Ваше слово — закон, о повелитель! — поклонился в ответ Амрит.

Поначалу дорога была легкой. Проточные воды разбавляли эту часть болот, так что лааш гребли беспрепятственно, лишь оседали на веслах зловонные отходы, которыми жители Каяматпура щедро удобряли реку. Тупой нос траппаги тыкался в пятна пепла на воде — редкие богачи могли позволить себе кремировать усопших. Большинство предпочитали продавать усопших родственников на невольничьем рынке. Ходили слухи, что старикам нередко «помогали» поскорее освободить тело — за дряхлый труп давали невысокую цену.

Чем дальше от города, тем гуще становилось болото. Вода прекращала течение, закручивалась в водовороты, сгребая землю, осоку и кувшинки в бесформенные комья. Мангровые заросли склоняли ветви низко над проплывавшим под ними судном, наставив свои семена-дротики на непрошенных гостей. Вскоре пришлось перейти с весел на бамбуковые шесты, которыми лааш усердно толкали траппагу вперед. Раджа с визирем сидели под просторным шатром и негромко переговаривались, Галакат же, лишенный опахальщика, был вынужден отгонять от себя бесконечные рои насекомых, размахивая руками, точно танцор-кастрат.

Амрит как мог оттягивал время до нового приказа — до очередного удара. Он почти видел, как крупная муха, угнездившаяся у него на лопатке, упорно проталкивает в ранку яйца. Вылупившись, эти твари начнут прогрызать себе путь наружу,

подъедаемая мягкую, тронутую разложением плоть. Неопытные погонщики расковыривают свои раны, пытаясь извлечь личинки, чем делают только хуже, истекают кровью и гниют заживо. Амрит твердо выучил уроки родной деревни — мухи едят лишь то, что уже не спасти.

Некстати вспомнилась масала, которую он пил с матерью в их последнее утро. Молоко в их доме было настоящей роскошью: в деревнях изгоев торговцы не появлялись, приходилось идти через каналы по шею в густой, точно нефть, грязи, взбираться на скалу Кобара, где обитали жуткие медноголовые монахи, и надеяться, что караван не застрянет или не сменит маршрут из-за толпы бесхозных.

Амрит усмехнулся, когда вспомнил, как забрался на скалу с полным мешочком кардамона, чтобы купить натх для своей Сидиси. Он прождал торговца два дня под проливным дождем, стараясь не попадаться на глаза монахам, выползавшим ночью шипеть свои молитвы в звездное небо. Когда наконец натх — дешевый, медный, с крошечным изумрудом — оказался в руках Сидиси, она долго не могла поверить своим глазам. В деревне изгоев украшение, что цепляется за крыло носа, — злая насмешка и непозволительная роскошь. В ту ночь она подарила ему любовь. А он ей — дитя...

— Эй, погонщик! — Ткнул его кулаком в спину Галакат, выдернув из воспоминаний. — Так и будешь стоять, пока твои немощные дно ищут? У паши Далала нужно быть до заката грядущего дня, пока не грянули первые дожди. Если по твоей милости мы застрянем в его гаремах, я лично раскрою тебе брюхо и зашью туда дикую кошку!

— Простите, досточтимый кшатрий, я задумался, — смиренно отвечив Амрит, поклонив-